Грамотчикова Н. Б. Время и пространство воспоминаний заводчан в конструировании коллективной идентичности первостроителей Уралмаша / Н. Б. Грамотчикова, Л. В. Енина // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 55—75. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-55-75.

Gramatchikova, N. B., Enina, L. V. (2020). Time and Space of Memories of Factory Workers in Construction of Collective Identity of First Uralmash Builders. *Nauchnyi dialog*, 7: 55-75. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-55-75. (In Russ.).

УДК 811.161.1'42:334.716.4-057.51(470.54-25)

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-55-75

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО ВОСПОМИНАНИЙ ЗАВОДЧАН В КОНСТРУИРОВАНИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПЕРВОСТРОИТЕЛЕЙ УРАЛМАША¹

© Грамотчикова Наталья Борисовна (2020), orcid.org/0000-0002-2585-7399, ScopusID 57189445810, SPIN 8460-0578, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра истории литературы, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия), n.gramatchikova@gmail.com.

© Енина Лидия Владимировна (2020), orcid.org/0000-0003-2073-9948, SPIN 5849-8128, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), Enina.lidia@gmail.com.

Статья представляет собой результат многолетнего исследования автобиографий и воспоминаний из Фонда первостроителей Уралмаша, собранных в 1967—1984 годах и посвященных времени строительства завода (1926—1934). Рассматривается вопрос о роли пространственных и темпоральных маркеров в конструировании коллективной идентичности заводчан. Особое внимание уделяется соотношению сильных дискурсивных практик и «слабых позиций» официального дискурса, позволяющих авторам самостоятельно вписывать свою личную историю в историю завода. Новизна исследования состоит в том, что документы Фонда рассматриваются не как фактографический источник, а как способ создания коллективной и личной идентичности заводчан в процессе формирования концепта первостроитель и как корпус текстов, в котором отразились практики конструирования «советского». Подчеркивается, что особое восприятие пространства (завода и соцгорода Уралмаш) и помещение себя в определенную историческую эпоху (с оппозицией «тогда-сейчас») объединяют большинство текстов Фонда, среди авторов которых представлены работники завода разных специальностей и соци-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00553А «Первостроители как перформативный проект: конструирование дискурсивной идентичности уральских рабочих в текстах 1930-х и 1970-х».

ального статуса. Доказывается, что тексты имеют общий хронотоп, связанный с аксиологической картиной мира и с практиками социального общения через текст.

Ключевые слова: Фонд первостроителей Уралмаша; коллективная идентичность; хронотоп; дискурсивные практики; автобиография.

1. Фонд первостроителей Уралмаша: история формирования

Документы «Фонда первостроителей Уралмаша» предоставляют возможность исследования текстов, написанных в 1967—1984 годах старейшими работниками завода и наряду с прочим являющих собой вербальное воплощение конструкта коллективной заводской идентичности. Начало собиранию материалов «Фонда» положило открытие Музея истории УЗТМ в 1967 году, для наполнения фондов которого и был задуман этот проект. Примечательно, что тогда музей носил название «Музей трудовой и боевой славы Уралмашзавода»: в названии музея и времени его открытия соединились две тенденции времен позднего социализма. С одной стороны, создание музея и особенно рукописного фонда воспоминаний оказалось в тренде новой волны работы с социальной памятью, включения в нее личной, индивидуальной, «человеческой» составляющей. С другой — очередное «переписывание набело» нарратива советской истории мыслилось как подконтрольное государству, санкционированное им и одобренное. В случае с музеем Уралмаша этот процесс выразился в составлении и рассылке старейшим работникам завода отпечатанной типографским способом «Анкеты участника строительства Уралмашзавода период 1928—1934 г.г.»¹, где было указано: «Вам необходимо заполнить анкетные данные и представить в Завком профсоюза Уралмашзавода (техническому секретарю) не позднее 10го сентября с.г.». В распространении анкеты был задействован административный ресурс отдела кадров завода и личные связи, позволившие получить материалы по истории завода от работников, вышедших на пенсию, а также от тех, для кого работа на Уралмаше оказалась лишь одним из этапов трудовой биографии. Анкета состояла из 10 пунктов: с 1 по 5 пункты запрашивалась информация о фамилии, имени, отчестве, годе рождения, партийности, профсоюзном и производственном стаже; с 7 по 10 пункты предполагалось заполнить сведениями об участии в Великой Отечественной войне, о наличии правительственных наград, месте рождения и проживания. Среди пунктов анкеты выделялся пункт 6, поскольку он требовал подробного изложения информации о работе на заводе: «С какого и по какой год работали на Уралмашзаводе. Занимаемая должность профессия цех, отдел в настоящее время. Подробнее изложите

1 Здесь и далее формулировки, орфография и пунктуация источников сохранены. Подчеркивания и выделения в текстах цитат принадлежат их авторам.

о своей работе в период строительства завода, в качестве кого работали» [Ивановский, 1967, с. 1]. Не будет большим преувеличением сказать, что во многом благодаря этому пункту анкеты и сформировался «Фонд первостроителей», потому что «подробнее» каждый понимал по-своему: кто-то написал развернутый ответ на отдельном листе и приложил его к анкете, у кого-то рукописные воспоминания заняли школьную тетрадь, а некоторые передали в музей машинописные тексты объемом до 100 страниц.

Проект оказался длительным и не был закончен к 10 сентября 1967 года, как это планировалось: воспоминания поступали в музей без малого 20 лет, вплоть до 1984 года, перешагнув обозначенные в анкете хронологические рамки 1928—1934 годов. В настоящее время Фонд насчитывает около сотни воспоминаний разного объема и времени создания, принадлежащих работникам Уралмаша разных профессий и социального статуса, среди которых начальники цехов, конструкторских бюро, инженеры, бригадиры, рабочие и работники коммунальных и социальных служб, имеющих отношение к строительству завода и обеспечению его инфраструктуры. Профессиональных литераторов среди авторов воспоминаний нет. Коллекция текстов фонда, таким образом, может быть рассмотрена как уникальная возможность для исследования разнообразных способов конструирования «советского», соединения личного и коллективного в автобиографическом письме, задействованных авторами в процессе рассказа о собственном участии в строительстве «завода заводов».

2. Практики коллективной идентичности в воспоминаниях уралмашевцев

К концу 1960-х годов основной канон рассказа о героическом прошлом, включая стройки индустриализации, был сформирован многочисленными очерками, романами и фильмами, наиболее знаменитый из которых «Время, вперед!» (роман 1932 года, фильм 1966 года, сюита 1968—1977 годов). Кроме романа-хроники В. Катаева, были широко известны произведения о стройках индустриализации А. Малышкина («Люди из захолустья»), М. Шагинян («Гидроцентральный»), И. Эренбурга («День второй») и др. В этом смысле уралмашевцы имели популярные, доступные и привлекательные образцы «общего для всех» прошлого, репрезентирующие коллективную память, которую, отвечая на 6 пункт анкеты, следовало каким-то образом соотнести с памятью личной, биографической, рассказав о собственном вкладе в строительство завода.

Коллективная идентичность уралмашевцев в текстах Фонда выстраивается ими с помощью нескольких ведущих дискурсивных практик: для

текстов «первостроителей» (как называют себя некоторые из авторов) характерны общие маркеры идеологической состоятельности, пространственных и временных характеристик, профессиональной принадлежности и солидарности (как вертикальной, так и горизонтальной). Выделение этих позиций во многом определено вопросами анкеты и задано внешними по отношению к авторам факторами: все они определяют себя через принадлежность к партии (большинство из них — коммунисты), используют язык профессиональных описаний при рассказе о трудовой деятельности, активно упоминают коллег, непосредственных начальников и вышестоящее руководство (и крайне редко собственное семейное положение). Тот образ времени и пространства, который воспроизводится в текстах первостроителей, несет большую идеологическую нагрузку, поскольку именно он (наряду с практиками подтверждения идеологической состоятельности) является зримым воплощением главной оппозиции, заключающейся в противопоставлении «тогда» и «сейчас» (полного трудностей и преодоления вчерашнего и светлого, устремленного в будущее сегодня).

Именно на эти «несущие конструкции» приходится основной вес общей для авторов воспоминаний идентичности «первостроителя Уралмаша». Идентичность при этом понимается нами как дискурсивная категория динамического характера: она постоянно воссоздается в текстах, не закреплена и подвижна [Брубейкер, 2012; Енина, 2016; Козлова, 2005; Лотман, 1992; Савкина 2017; Сандомирская, 2001; Сандомирская 2013; XX век, 2016 и др.]. Выделяемые маркеры идентификаций оказываются принципиально несводимыми в конструкцию непротиворечивой и целостной идентичности «коллективного субъекта», рассредоточенного в десятках индивидуальных дискурсивных практик. И вместе с тем в текстах можно выделить семантические связи, повторяемость и очевидность которых подтверждает тезис А. Юрчака о том, что только после окончания эпохи становится возможной ее целостная интерпретация, поскольку требуется новый аналитический язык, способный выйти за пределы бинарных оппозиций описания [Юрчак, 2014, с. 46]. Исследования «конструирования советского», интенсивно продолжающиеся до наших дней (примеры многочисленны, упомянем лишь близкие нашей тематике работы Н. Б. Лебиной [Лебина, 1999, 2015], Ш. Фицпатрик [Фицпатрик, 2001], Й. Хелльбека [Хелльбек, 2017], Т. Ворониной [Воронина, 2018], монографию «Раннесоветское общество как социальный проект, 1917—1930-ые гг.» [Раннесоветское ..., 2019]), вскрывают внутренние парадоксы и непредсказуемые возможности во многом жестко регламентированного мира. Выявление

идентификационных практик в автобиографических нарративах заводчан, анализ их воплощения и пересечений являются задачами данной статьи.

3. Эпос «не о себе»: позиция автора воспоминаний

Несмотря на то, что личный опыт человека никогда полностью не совпадал с официально одобренным и закрепленным в сотнях образцов разного рода текстов «коллективным прошлым», единая идеология и монополия государства на официальный нарратив исторического повествования обусловили то, что работники Уралмаша, записывая воспоминания для музея, воспроизводили хорошо знакомые им, привычные практики описания героического прошлого, адаптируя их к своей биографической реальности.

Для идентичности советского человека значима оппозиция «свой-чужой», распространяемая темпорально (*тогда / сейчас*), пространственно (*у нас / у них*), идеологически (*партийный / «б / н»*) и т. д. Тем не менее в конкретных текстах эти оппозиции размываются и наполняются новым содержанием, осуществляя то, что А. Юрчак назвал «перформативным сдвигом», под которым имел в виду процесс размывания доминирующего дискурса, происходящий одновременно с консервацией его основных риторических клише [Юрчак, 2014, с. 25]. Важным для нас оказывается следование антропологическим принципам обращения с текстами: в этой статье, работая с документами Фонда, мы не оцениваем достоверность предоставленных музеем сведений, не обращаемся к дополнительным источникам для уточнения трудовой биографии авторов, но понимаем автобиографический текст как результат сознательных и бессознательных усилий автора по приданию ценности и осмысленности собственной жизни через нарратив о ней, который всегда разворачивается «под влиянием доминирующей в обществе в момент написания биографии концепции личности и господствующего “дискурса персональности”» [Тун-Хоенштайн, 2013, с. 438]. Исследование, таким образом, развернуто более в плоскость анализа ценностей и мотивов «первостроителей», нежели в сторону поиска «истины и ее искажений» в идеологически окрашенных записках советских рабочих¹.

Автобиография, выстраиваемая заводчанами в воспоминаниях, есть в числе прочего и результат усвоенного советской культурой «насильствен-

1 А. Юрчак так пишет о сложноустроенной картине реальности, воссоздаваемой в текстах позднесоветского периода: «Воспроизводство стандартных форм авторитетного языка не обязательно должно восприниматься аудиторией как описание реальности (истинное, ложное, непонятное и т. д.), а может восприниматься, напротив, как перформативный ритуал, который напрямую способствует существованию за его пределами вполне нормальной, сложной, многоплановой реальности, не имеющей прямого отношения к самому идеологическому описанию» [Юрчак, 2014, с. 164].

ного автобиографизма» [Там же, с. 439], где авторы (советские люди) постоянно тренировались в создании «риторической иллюзии» [Бурдые, 2002, с. 77], прежде всего в делопроизводственной и карьерной сфере, отбирая подходящие моменту факты прожитых жизней и сплетая их с репертуаром одобренных образцов жизнеописаний, предоставляемых литературой, кинематографом и СМИ (в случае респондентов «Фонда первостроителей» это еще и заводская многотиражная газета «За тяжелое машиностроение»).

1967 год, которым датированы первые документы Фонда, отмечен как год 50-летия революции, последние воспоминания писали к 50-летию Уралмаша в 1983 году. Таким образом, значительная часть авторов почти наверняка имела в виду некие «юбилейные интонации», а некоторые прямо включают поздравления в текст воспоминаний. Авторам предстояло заполнить анкету в жанре почти эпического повествования, перенестись в прошлое на несколько десятилетий назад и рассказать о нем молодому поколению: *Я бы хотел, чтобы наша нынешняя молодежь, признавала, в каких условиях трудилось старое поколение. А уральскими заводами Уралмаш и Уралгидромаш на которых проработал 36 лет я горжусь перед молодым поколением* [Белик, 1983, с. 11].

В некоторых случаях автор открыто вербализует свою позицию летописца, как, например, это сделала конструктор В. А. Ширяева, взяв для своих воспоминаний эпиграф из «Бориса Годунова» Пушкина: *Еще одно, последнее сказанье, / И летопись окончена моя, / Исполнен долг, завещанный от бога, / Мне грешному ...* [Ширяева, 1975, с. 1].

Сложность и даже парадоксальность задачи написания респондентами автобиографий состояла в том, что закономерное удивление потомков свершениям предков («не то, что нынешнее племя») в данном случае оказывалось обращенным к собственной молодости и собственному трудовому пути авторов, что шло в разрез с императивом «риторической скромности», предписываемой советскому герою. В 1971 году Б. Окуджава и А. Шнитке в послевоенной «окопной песне» десятого батальона найдут вербальные и музыкальные средства выражения этого чувства: «Когда-нибудь мы вспомним это, / И не поверится самим ...»¹

Для большинства авторов Фонда наиболее приемлемой оказалась позиция «остаться в тени» свершенного, в защищенной позиции коллективной идентичности, рассказывая о соратниках / членах бригады / коллегах и др. «Писать не о себе» — одна из распространенных в Фонде практик

¹ Песня была написана для фильма А. Смирнова «Белорусский вокзал» (1971) в жанре «элегического марша» [Кац и др.] и в русле новой работы государства с феноменом коллективной памяти.

воспоминаний: так, например, в личной папке Е. В. Авдеевой находятся ее воспоминания о погибшей на войне подруге-уралмашевке — Анастасии Васильевой — и стихи А. Г. Редикульцевой, «работницы цеха № 75», воспевающие «эпизод фронтовой жизни» связистки Авдеевой. Автобиографических материалов самой Е. В. Авдеевой эта папка не содержит, представленные тексты наглядно воплощают принцип «описания другого». Аналогичными по интенциям представляются практики «возвращения имен» (если воспользоваться современной терминологией): заводчане поименно, а чаще пофамильно называют тех из коллег по цеху, сменщиков, членов бригады, кого сохранила их память, не добавляя при этом о них никакой информации. Имена и фамилии, ничего больше — этого достаточно, чтобы внести упомянутых в летопись завода — своеобразную «книгу жизни», которая, как видится авторам, больше, длиннее и значимее их собственной. В Фонде представлено и несколько масштабных проектов, целиком подчиненных этой тенденции: таковы рукописные книги Марка Петровича Балакшина и Виктора Николаевича Анфимова, первая из которых представляет собой «сборник биографий» сослуживцев, вторая — перечень жилых объектов соцгорода Уралмаш с указанием обстоятельств их строительства.

4. «Неповторимое время»: прошлое в воспоминаниях первостроителей

Период «между юбилеями» пришелся на наиболее стабильный период работы завода, что придало личностную окрашенность и убежденность выражаемому авторами (и ведущему для советского дискурса) противопоставлению тогда и сейчас. Ведущая темпоральная оппозиция таким образом максимально нагружена идеологически, поскольку по умолчанию считалось, что работа на заводе стала площадкой профессионального и личностного роста первостроителей. В такой пресуппозиции проявлялось действие своеобразного «фильтра лояльности»: из других источников известно о проблеме текучести кадров в первые годы строительства завода, однако те, кто уволился / был уволен с завода не входят в число авторов Фонда.

Время строительства завода (1926—1933) «естественным образом» в повествованиях заводчан является продолжением времени революционных завоеваний и побед «красных» в гражданской войне. Эта хронологическая смычка осуществляются в текстах старейших работников, относящих начало своих воспоминаний ко времени революции и гражданской войны. Формально эти воспоминания далеко отстоят от даты запрашиваемого

начала (1926 года), однако с идеологической точки зрения они подтверждают закономерность и осознанность авторского участия в процессах индустриализации на Урале.

Отметим, что дискурсивный концепт ЗАВОД является важнейшим понятием для профессиональной и локальной (само)идентификации уральцев. Однако новый, советский образ заводов радикально отличался от прежних, сформировавшихся в литературе Урала XVIII—XIX веков. Образы первых, («старых», «демидовских») уральских заводов вписаны в историко-культурные модели древними мифологемами: с одной стороны, их обитатели помещены в мир тьмы и огня (обнаруживая связь с inferнальным, потусторонним, «адским»), с другой стороны, заводские мастера наделены магическими и даже демиургическими способностями в силу наследования функций бога огня и кузнечного дела. Уже на этом этапе концепт завода и его рабочих оказывает формирующее влияние на этнокультурный и исторический ландшафт территории и противопоставляется крестьянской жизнеописательной модели. Новая парадигма говорения о заводах строилась в значительной мере на отторжении этого опыта. Язык описания грандиозного строительства заводов-гигантов вырабатывался с участием и под прямым контролем государства. Кроме горьковского проекта «Истории фабрик и заводов» (1931—1938), в конце 1920—1930-х годов производится множество художественно-публицистических текстов второго ряда, формирующих плотную идеологическую сеть ежедневных образцов говорения и письма о совершающихся на глазах преобразованиях промышленного и социального ландшафта. «Наше поколение жило и работало в неповторимое время, мы были его свидетелями. К этому времени нельзя подходить с меркой сегодняшнего дня», — формулирует В. А. Ширяева свою позицию летописца и очевидца, постулируя уникальный ценностный характер прошедшей эпохи [Ширяева, 1973, с. 2].

Воспоминания Соломона Сауловича Иоффе носят названия «Встречи с В. И. Лениным» и «65 лет в партии», а Василий Петрович Белик, озаглавив свою тетрадь «50 лет УЗТМ», начинает так: *Родился я еще при царе ...* [Белик, 1983, с. 1], затем рассказывает про свое бедное и тяжелое детство в родительской семье, передает подростковые впечатления от гражданской войны, организации совхоза и колхоза, где работал молотобойцем в кузнице, откуда и был послен «райкомом клб» на курсы экскаваторщиков. По окончании курсов в Москве 14 человек были отправлены на строительство Уралмаша: *Но 12 посланцев разбежались в течение одного месяца. Осталось только два смелых экскаваторщика Овтин И. И. и я* [Там же, с.5]. Таким образом, работа на Уралмаше выглядит не только логическим

продолжением всей предыдущей жизни, но и маркируется как идеологически верная и связанная с высокими морально-нравственными качествами пишущего: он остался в строю, тогда как *целая дюжина ученых практикантов разбежалась, от холода уральского и вообще без уважительных причин* [Там же].

Как своеобразно сбывшуюся детскую мечту — *поехать куда-нибудь, посмотреть города, поездить по железной дороге, покататься на пароходе* [Бакиров, без даты, с. 4] — описывает свой приезд на Уралмаш в 1930 году выходец из башкирской деревни Беллал Усманович Бакиров: *Мои товарищи устроили меня землекопом, эта профессия была тогда ведущей, потому что тогда не было землеройных машин* [Там же, с. 5]. Его профессиональный рост определяется сменой работ на стройке и описывается как становление коллективного «я»: *Когда землеройные работы заканчивались мы вставляли работать бетонщиками, каменщиками и монтажниками* [Там же]¹.

Переносясь в далекое прошлое, заводчане не описывают пугающих и нарочито впечатляющих картин, а, скорее, сами удивляются произошедшим в их жизни переменам, когда рассказывают (а точнее — упоминают) о тяжелом ручном труде, непролазной грязи, холоде в бараках: *Наша спецовка никогда не просыхала. Утром надеваешь ее а на ней иней. Вот как жили и нетужили. Нето что теперь. А теперь молодежь жалуется. То у них нет шахмат то нет лото. Или плохо оборудован красной уголок. А ведь тогда строили на века* [Дерезглазов, 1977, с. 4]. Откровенные описания тяжелых бытовых и производственных условий нечасты и появляются в определенных легитимизированных позициях: чаще всего — в начале текста, где автор — новичок, только поступивший на завод и оказавшийся в общежитии-бараке, в котором вода замерзает в чану, матрасы набиты древесной стружкой и т. д., и на него не распространяются пока эмоциональные императивы «настоящих уралмашевцев» («Не хныкать!») и милитарный дискурс («Не отступать!»). Другой позицией, допускающей рассказ о страданиях и негативном опыте, становится чрезвычайная ситуация — пожара, поломки или производственной травмы, изменившей всю дальнейшую трудовую биографию пишущего. Таковы воспоминания С. К. Гаева, потерявшего руку ночью, на «кроковой смене», в мае 1930 года,

1 Образ Ленина остается востребованным и в полувековой юбилей революции. Воспоминания Бакирова заканчиваются перенесением в настоящее, идеологически плотно связанное с прошлым: *Сейчас мне 58 год и я продолжаю успешно работать на Уралмаше. Правда больше чувствуется усталость, чем раньше. Теперь я готовлюсь достойно встретить 100-летие со дня рождения В. И. Ленина* [Бакиров, без даты, с. 11].

и В. П. Белика, на которого 19 декабря 1936 года в цеху упала обойма с крюком в результате обрыва троса: ... *И так я остался с одной рукой и расколотым черепом головы. Признан медициной, вечным инвалидом* [Белик, 1983, с. 10]. Однако эти случаи включены в текст «юбилейных» воспоминаний не только из-за верности «правде факта», но и как характеристика тех возможностей, которые затем предоставил завод и лично директора для реабилитации сотрудника и его «возвращения в строй».

5. Пространство воспоминаний: многослойность и децентризм

С практиками конструирования времени связан и взгляд на пространство, который транслируют авторы воспоминаний. Своеобразие их хронотопа, если воспользоваться устоявшимся литературоведческим термином, акцентирующим связь пространственно-временных координат, состоит в том, что яркая темпоральная оппозиция тогда / сейчас (зачастую невербализуемая прямо, но существующая в виде пресуппозиции) своеобразно «подсвечивает» в пространстве уже / еще не существующие объекты. Топография Уралмаша — завода и соцгорода — обретает слоистость, чаще всего пространство предстает как «двухслойное»: например, из своего настоящего авторы «видят» объекты, задающие пространственные ориентиры прошлого, что в большинстве случаев приводит к двойной атрибуции этих объектов. Например, упоминая земляничную поляну, автор добавляет: *где сейчас улица Кузнецова*; описывая происшествие на только что заасфальтированном отрезке шоссе, уточняет: *там лес сосновый стоял, а сейчас кинотеатр «Заря»* и др. Присутствуют в описаниях и исчезнувшие ныне объекты инфраструктуры: избушка лесника, конный двор, обувной магазин на улице Ильича, где можно было, сдав старые калоши, приобрести новые, и др.

Пространство завода и соцгорода не разделено и не разграничено жестко, поскольку авторы — работники завода — легко перемещаются из одной части Уралмаша (завод) в другую (поселок / соцгород). Непреодолимый барьер между жилой частью и заводом появляется в постсоветских воспоминаниях «детей Уралмаша»: они вспоминают, как стояли у проходной в ожидании матерей, старающихся пронести им, втайне от охраны, что-нибудь съестное из своего обеда в заводской столовой.

Все пространство заводской стройплощадки в воспоминаниях сохраняет черты дикого, неосвоенного, природного, соседствуя с более структурированным, урбанистическим. Такие «природные» черты пространства, как грязь, канавы с проточной и сточной водой, разливающиеся реки, сохраняются на Уралмаше в течение как минимум двух десятилетий. В силу этого и измеряется, и структурируется пространство

иначе, чем в настоящем авторов: *Работали в три смены и тут хоть снег, дождь, ночь, шагали 4 км до завода. Бараки наши стояли на пустыре между пенками, недалеко от трамвайной остановки — техническое училище. Трамвай ждать было риском, чтобы не опоздать на работу* [Белик, 1983, с. 7]. Здесь природное / дикое пространство (на пустыре, между пенками) соседствует с явными знаками городской культуры: трамвайная остановка и училище¹.

В объективированных «Историко-хронологических данных о развитии медицинской службы УЗТМ» заслуженного врача РСФСР Н. А. Савичевой-Смирновой видна та же многослойность пространства и многосоставность практик его преодоления: поиски нужного барака среди поселка без / до четкой адресной системы, выезды бригад скорой помощи на грузовиках, вынужденные их остановки на дальних подступах к больнице из-за непролазной грязи, перетаскивание медиками больного на носилках в корпус больницы. Выразителен по сочетанию дикого (ибо его нельзя назвать ни деревенским, ни архаическим) и городского модусов фрагмент, повествующий об устройстве патологоанатомической службы в первые годы строительства: *Был период когда трупы хранились и вскрывались в землянке рядом с поликлиникой № 1, а затем по договоренности с мединститутom, трупы на вскрытие возились на лошади в специальном ящике на патологоанатомическую кафедру. Лечащий врач с историей болезни умершего ехал на трамвае, его присутствие на вскрытии было обязательным* [Савичева-Смирнова, без года, с. 8]. Здесь локус строящегося объекта (землянки рядом с поликлиникой; лошадь со специальным ящиком) соседствует с вполне городской зарисовкой (лечащий врач с историей болезни ехал на трамвае).

История строительства многочисленных объектов как внутри завода (цехов, лабораторий и др.), так и вне его прочно сплетена в записках заводчан с автобиографической памятью. Конструкторы и первостроители вспоминают, что из-за высоких темпов строительства внутри цехов уже во время возведения стен оставался невырубленный лес, а после работы можно было собирать землянику в пределах заводского поселка. Неразделимость памяти личной и трудовой особенно ярко проявляется в воспоминаниях в жанре писем, где автор свободнее выбирает личную интонацию.

1 Обратим внимание, что в хронотопе воспоминаний первостроителей нередко проявляют себя древнейшие долитературные модели, в числе которых взаимообратимость пространства и времени, способных быть заданными друг через друга: дистанция в 4 км преодолевается к началу смены, с точным расчетом времени пешей ходьбы, без надежды на городской транспорт.

Вот как бывший рабочий Алексей Матвеевич Дерезлазов описывает свое жилье в письме уралмашевскому инженеру В. Н. Анфимову: *На ул. Ильича б. жили на 4м этаже это со стороны парка. Пола были неструганы с верхнего этажа можно было видеть что делается на первом этаже. Это сквозь щели в полу* [Дерезлазов, 1977, с. 2]. Из переписки 1920-х годов Валентины Налобинной и Владимира Сенцова известно, что во время свиданий молодые люди заходили на строящееся здание заводоуправления УЗТМ, откуда открывалась панорама строящегося соцгорода. Налобина дважды включает воспоминания об увиденном в свои письма, и эти описания сопряжены с развитием ее отношений с Владимиром Сенцовым.

Внутри завода выделяются объекты, совокупность которых и образует УЗТМ: как правило, это цеха, подстанции и лаборатории. Индустриализация — пространство прежде всего механическое: упоминаются кузнечно-прессовый цех, механический цех № 1, сталеплавильный цех, ремонтно-строительный цех, газогенераторная станция. Названия цехов, часто сокращенные (например, КПЦ и др.), образуют внутреннюю топонимическую сетку, актуальную для заводчан. В описание этих объектов вторгается индустриальный язык: тексты пестрят названиями материалов, моделей станков, фирм-изготовителей оборудования; видами и типами печей (мартеновские, сушильные, нагревательные, термические, Вельмана и др.).

Лингвисты отмечают высокую значимость пространственной идентификации при конструировании географического пространства территории, в связи с чем «важнейшими дискурсивными практиками пространственной идентификации становятся практики отбора географических объектов, их наименования и описания» [Ильина и др., 2019, с. 123]. При этом устанавливаются различные отношения (отдаленности, тождества, части-целого и др.) между разными объектами. С помощью названий объектов инфраструктуры Уралмашзавод соединяется с городом Свердловском¹: столовая, «веревочка» (дорога, по которой первоначально осуществлялась доставка людей и грузов к месту стройки), трамвайные пути, шоссе и др. Доминирующий либо центральный объект УЗТМ не выделен, однако заводчане

1 Позднее у жителей соцгорода Уралмаш закрепится в речи именование центральной части Свердловска «городом», что сохраняет свое бытование вплоть до сегодняшнего дня. Однако в воспоминаниях «ветеранов-первостроителей» мы встречаем двойную номинацию: *Я пошла домой, в Свердловск, а дорогу еще только камнем мостили ...* [Сахарова, без даты, с. 1]. Ср.: в воспоминаниях не-свердловчанки Н. С. Рожиной Уралмаш образует со Свердловском единое пространство, в чем важную роль играет как раз транспортное сообщение: *Впервые в трамвае я ехала в XII-1940 г. На сидении спросила дяденьку где ул. Ильича ведь я не разу не была в Свердловске и ехала к одной студентке* [Рожина, без даты, с. 1].

прекрасно ориентируются во взаимном расположении цехов, равно как и без лишних объяснений называют объекты жилищного строительства соцгорода, понятные и известные «своим». Так, А. М. Дерезглазов полемически заканчивает письмо перечислением: *А ведь тогда строили на века. Все посмотрите на башню. на Мадрид, и на заводоуправление* [Дерезглазов, 1977, с. 4], — выбирая, безусловно, значимые для локальной идентичности уралмашевцев объекты¹.

При этом «двухслойность» пространства сохраняется и в отношении заводских объектов: *Отдел металлических конструкций, куда меня направили, в то время помещался в бараке центрального поселка, а с 7 ноября все отделы и заводоуправление разместились в здании, где теперь Центральная лаборатория* [Смертина-Бергман, 1982, с. 1]. При этом внутреннее пространство цехов описывается редко, настолько оно понятно «своим», тогда как конкретные механизмы и процедуры требуют, с точки зрения авторов, детальных описаний. В этом отличие текстов 1960—1980-х от более ранних: например, в сборнике «Стахановцы Уралмаша» [Стахановцы Уралмаша, 1936] многие рабочие рассказывают о своем первом впечатлении от встречи со станком, печью, краном, на которых затем научились работать. В этих очерках важна составляющая удивления от резкого контраста с прежним местом работы и учебы (часто это училище в г. Ирбите, где занятия проходили в «бывших кельях», радикально отличавшихся, конечно, по размеру и освещенности от новых заводских цехов). В Фонде сохранились воспоминания, запечатлевшие эмоциональное восприятие нового места работы: *И вот, в начале июля 1931 годов получили команду: переселиться в новый цех. Беспредельно были рады. Цех был светлый, просторный, с поблескивающими станками, мостовым краном (тогда еще единственным). Нас было мало по такому цеху, разместились на небольшом участке. Жизнь началась. Тишина нарушилась шумом станков* [Кочуров, 1974, с. 2].

«Настоящее» уралмашевцев-первостроителей выигрышно на фоне прошлого: в этом сопоставлении актуален аспект технического прогресса и жилищного строительства: *Взять примерно кузнечно-прессовый цех сегодня, и прошлое. Раньше работали все в ручную слитки ворочили в ручную с печки заготовку брали вручную полной бригадой, а вот теперь один*

1 Так, например, силуэт Белой Башни как символ «красоты человеческой мысли» возникает во фрагменте интервью современного молодого жителя Уралмаша в проекте «Автобус-33» как тема нанесенной татуировки: таким образом конструктивистский символ района буквально физически, телесно присваивается жителем мегаполиса. Подробнее о проекте-аудиоспектакле «Автобус-33»: http://m-i-e.ru/avtobus_33.

человек с печки берет и один человек эту заготовку ворочает весом примерно 2 тонны. И производительность труда увеличилось почти на 50 % потому установлены мощные манипуляторы и облегчен труд рабочих, и у нас сейчас каждый месяц и каждый год все растет новая техника [Шушунов, без года, с. 6]. Другая цитата: *Время идет вперед. Растет материальная база больницы, пополняются медицинские кадры молодыми специалистами, вооруженными современными методами исследования диагностики и лечения больных. Прогрессивно благоустраивается и изменяется внешний вид облик больницы. Выстроен прекрасный больничный городок с зелеными цветущими деревьями. Вырос новый 7-ми этажный хирургический корпус — давнишняя мечта хирургов* [Савичева-Смирнова, без года, с. 11]. Даже в этих двух фрагментах легко обнаруживаются сходные паттерны официального дискурса сопоставления вчера и сегодня: *время идет вперед, растет новая техника /материальная база, облегчен труд рабочих* и др. При этом оба автора предпочитают обобщенно-личный характер воспоминаний (*раньше работали все в ручную, производительность труда увеличилась, благоустраивается внешний вид*). Более высокий образовательный уровень второго респондента проявляет себя в большем разнообразии безличных и пассивных конструкций (а значит, и в большей степени обезличивания): *прогрессивно благоустраивается, изменяется внешний облик, выстроен прекрасный городок, пополняются медицинские кадры* и др.) в силу большей чувствительности к тенденциям официального дискурса.

6. Заключение: хронотоп как «несущая конструкция» коллективной идентичности заводчан

Итак, эго-документы Фонда первостроителей позволяют выделить сходные практики темпоральной и пространственной идентичности, рассредоточенные во многих воспоминаниях, и установить, что они наряду с практиками подтверждения идеологической состоятельности и практиками вертикальной и горизонтальной социальной интеграции активно востребованы в процессе конструирования коллективной идентичности уралмашевцев.

Многих авторов ситуация создания текста, который будет храниться в музее и, возможно, использоваться для юбилейной летописи завода, помещает в позицию *эпического сказителя (рапсода)*, должного поведать о лично пережитом «героическом прошлом». На уровне конкретных текстов видно, как основная вспомогательная жанровая рамка, которой так или иначе владеют все респонденты, — делопроизводственная автобио-

графия — испытывает существенное давление со стороны торжественного, официального стиля и дискурса. В качестве адресата автор, называющий себя первостроителем, часто обращается к *нынешней* и будущей молодежи, что сообщает тексту полемическую заостренность и дидактизм. Однако в качестве адресата могут мыслиться и коллеги по работе (в том числе и не дожившие до этих дней), в таком случае текст отчетливо моделирует пространство и время, знакомое и понятное «своим», и открыто утверждает невозможность заполнения всех лакун памяти, которая доступна / воспроизводима во всей полноте только совокупным множеством «своих»: *Видите как все неточно, как все забылось и Лели Абрамовой уже нет помоч мне в именах и фамилиях людей* [Аникеева, 1983а, с. 6].

Здесь мы касаемся одного из болезненных для многих авторов Фонда момента. Пространство прошлого, которое они видят «сквозь» современную застройку, продемонстрированная выше его «двухслойность» — повод для гордости и оптимизма. Иное дело — время. Воспоминания заводчан содержат ту версию «большой истории», которая стала историей завода и частью их личной трудовой биографии. За редчайшим исключением, не стоит искать в Фонде упоминаний о репрессиях: за годом официального пуска завода (1933) чаще всего следуют воспоминания о военных годах, в которых во многом повторился подвиг первостроительства и по масштабам задач, и по краткости отпущенных сроков. Однако если коллективное сегодня противопоставлено тяжелому вчера, то индивидуальные ощущения от пребывания в настоящем у многих авторов далеко не однозначные. Большинство пишущих для Фонда — пенсионеры, в силу возраста разлученные с коллективным «мы». И ситуация письма, и уход на пенсию рождает беспокойство, неуверенность, фрустрацию, часто прямо выраженные в воспоминаниях в жанре писем либо в эпистолярной сопроводительной записке к основному тексту воспоминаний: *Я немного растерялся получив ваше письмо, поэтому прошу вас извинить меня если что-нибудь не так написал. Я приветствую вашу инициативу о создании сборника и желаю вам больших успехов* [Бакиров, без года, с. 11]; *Написала, как могла, не судите строго* [Смертина-Бергман, 1982, с. 6]. Можно усмотреть в этом довольно обычную «риторику скромности». Однако в некоторых случаях грусть выражена предельно определенно: *С 1957 г. до пенсии работала в ОГК/м в прекрасном здоровом коллективе конструкторов руководимый Кубачеком ВР позднее Сатовским БИ. С большой любовью вспоминаю этот коллектив и с большой грустью вспоминаю уход на пенсию* [Аникеева, 1968, с. 12]. То же чувство, выраженное даже более развернуто, сохраняется и спустя 15 лет: характеристика коллектива пре-

восходит по объему индивидуальные характеристики коллег: ... *В зрелые годы ... я пришла работать в коллектив лучшего желать не надо. Спаянный, культурный дисциплинированный [коллектив]... Работала всю свою жизнь с вдохновением. Когда я уходила на пенсию, коллектив сказал мне много добрых и теплых слов. Я тогда и сейчас одно могу сказать в таком хорошем кол-ве нельзя быть плохим человеком, кол-в меня воспитывал и я ему признательна и благодарна за все доброе. Я старею а теплота в душе хранится о кол-ве* [Аникеева, 1983б, с. 3].

Жизнь коллектива мыслится как превосходящая индивидуальную и по продолжительности, и по насыщенности, и по цельности¹. Тем значимее разлученность с ним, которая становится характеристикой личного / индивидуального настоящего, в отличие от общего сегодня, где всё растет, благоустраивается и приумножается.

Таким образом, если пространственное устройство завода в воспоминаниях уралмашевцев описано языком индустриальным, но по конфигурации ближе к телесно переживаемым объектам (это скорее «коллективное тело»), нежели иерархия зданий и мест; неслучайно в символическом плане завод описывается как «детище» и «первенец»), то временное устройство более сложно и конфликтно. Причем если официальный дискурс подчеркивает и депроблематизирует контраст вчера и сегодня, то индивидуальные практики письма фиксируют внутреннюю конфликтность индивидуального сегодня, заключающуюся прежде всего в отъединенности от коллективного «мы». Именно эту разъединенность преодолевает автор в тексте, заключая собственную делопроизводственную биографию в широкую жанровую рамку эпоса, позволяющую ощутить солидарность по отношению к «своим» и сформировать внятное для автора и адресата послание потомкам.

Источники

1. Аникеева М. С. Воспоминания Аникеевой Марии Семеновны. Рукопись, 1968, 12 с. / М. С. Аникеева // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.
2. Аникеева М. С. Воспоминания Аникеевой Марии Семеновны. Рукопись, 1983а, 6 с. / М. С. Аникеева // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

¹ Как известно, наивные авторы часто используют заглавные буквы в написании слов, наделяемых ими особой значимостью (Правительство, Телевидение и др.). М. С. Аникеева же, регулярно сокращая «коллектив» до «кол-в», предпочитает «скороговорку», нанизыванием, повтором создавая образ постоянного присутствия людей вокруг, плотности физического существования и реальности коллектива как единого физического тела, от которого *остается тепло* и которое произнесло *много добрых и теплых слов*.

3. *Аникеева М. С.* Без названия. Рукопись, 1983б, 3 с. / М. С. Аникеева // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.
4. *Бакиров Б. У.* Рукопись, [без даты], 11 с. / Б. У. Бакиров // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.
5. *Белик В. П.* УЗТМ 50 лет («Родился я еще при царе ...»). Рукопись, 1983, 11 с. / В. П. Белик // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.
6. *Дереглазов А. М.* Письмо Виктору Николаевичу [Анфимову] от 7 февраля 1977 года. Рукопись, 1977, 4 с. / А. М. Дерезлазов // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.
7. *Ивановский В. А.* Анкета участника строительства Уралмашзавода период 1928—1934 г.г. Типография+рукопись, 1967, 1 с. + 1 об. / В. А. Ивановский // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.
8. *Кочуров А. С.* Воспоминания. Комсомольцы Уралмашзавода в 30-е годы. Рукопись, 1974, 8 с. / В. С. Кочуров // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.
9. *Рожина Н. С.* Воспоминание. Рукопись, [без даты], 7 с. / Н. С. Рожина // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.
10. *Савичева-Смирнова Н. А.* Историко-хронологические данные о развитии медико-санитарной службы УЗТМ по воспоминаниям заслуженного врача РСФСР, ветерана Савичевой-Смирновой Н. А. / Н. А. Савичева-Смирнова. Машинопись, [без даты], 11 с. // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.
11. *Сахарова А. Б.* Воспоминания ветерана УЗТМ Сахаровой А. Б. О создании первой библиотеки на Уралмаше. Машинопись, [без даты], 1 с. / А. Б. Сахарова // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.
12. *Смертина-Бергман Н. В.* Письмо Розе Хасановне [директору музея истории УЗТМ] от 10.02.1982. Машинопись и рукопись, 1982, 6 с. / Н. В. Смертина-Бергман // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.
13. *Стахановцы Уралмаша* (под ред. Л. Авербаха). — Москва-Свердловск : Типография газ-журн. изд-ва Свердловского Обкома ВКП(б) «Уральский рабочий», 1936. — 244 с.
14. *Ширяева В. А.* Зарницы воспоминаний. 1973. Рукопись+машинопись / В. А. Ширяева // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.
15. *Ширяева В. А.* У истоков проектирования. 1975. Рукопись+машинопись (неполная) / В. А. Ширяева // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.
16. *Шушунов Е. Н.* Из госпиталя на Уралмашзавод 1942 г. Рукопись, без года, 7 с. / Е. Н. Шушунов // Архив музея истории Уралмашзавода. Фонд первостроителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бурдье П.* Поле литературы / П. Бурдье // Новое литературное обозрение. — 2000. — № 45. — С. 22—87.
2. *Брубейкер Р.* Этничность без групп / Р. Брубейкер. — Москва : Высшая школа экономики, 2012. — 408 с.
3. *Воронина Т.* Помнить по-нашему. Соцреалистический историзм и блокада Ленинграда / Т. Воронина. — Москва : Новое литературное обозрение, 2018. — 280 с.

4. Енина Л. В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации / Л. В. Енина // Политическая лингвистика. — 2016. — № 6. — С. 159—167.
5. Ильина О. В. Практики конструирования уральской идентичности в медиадискурсе Свердловской области / О. В. Ильина, Е. В. Каблуков // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 119—131.
6. Кац Б. «Марш» [Электронный ресурс] / Б. Кац, О. Ронен // Звезда. — 2003. — № 3. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/zvezda/2003/3>.
7. Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории / Н. Н. Козлова. — Москва : Европа, 2005. — 544 с.
8. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города : Нормы и аномалии. 1920—1930 годы / Н. Б. Лебина. — Санкт-Петербург : Журнал «Нева», издательско-торговый дом «Летний сад», Kikimora. 1999. — 320 с.
9. Лебина Н. Б. Советская повседневность : нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю / Н. Б. Лебина. — Москва : Новое литературное обозрение, 2015. — 483 с.: илл.
10. Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю. М. Лотман. — Таллинн : Александра, 1992. — 479 с.
11. Раннесоветское общество как социальный проект. 1917—1930-е гг. : в 2 частях. Часть 2. Советское общество : культура, сознание, поведение / под ред. Л. Н. Мазур. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2019. — 462 с.
12. Савкина И. Л. «Мои простые записки» : модели самоидентификации в дневнике Нины Лашиной / И. Л. Савкина // ШАГИ / STEPS. — 2017. — Т. 3. — № 1. — С. 136—157.
13. Сандомирская И. И. Блокада в слове. Очерки критической теории и биополитики языка / И. И. Сандомирская. — Москва : Новое литературное обозрение, 2013. — 432 с.
14. Сандомирская И. И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик / И. И. Сандомирская. — Wien, 2001. — 286 с.
15. Тун-Хоенштайн Ф. В лаборатории советской биографии : Серия «Жизнь замечательных людей». 1933—1941 гг. / Ф. В. Тун-Хоенштайн // Человек и личность в истории России. Конец XIX—XX век / ред. Й. Хелльбек, Н. Михайлов. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2012. — С. 437—452.
16. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы : город. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 2001. — 336 с.
17. Хелльбек Й. Революция от первого лица. Дневники сталинской эпохи / Й. Хелльбек. — Москва : Новое литературное обозрение, 2017. — 424 с.
18. Юрчак А. Это было навсегда пока не кончилось. Последнее советское поколение / А. Юрчак. — Москва : НЛО, 2014. — 664 с.
19. XX век. Письма войны / С. Ушакин, А. Голубев. — Москва : Новое литературное обозрение, 2016. — 840 с.

TIME AND SPACE OF MEMORIES OF FACTORY WORKERS IN CONSTRUCTION OF COLLECTIVE IDENTITY OF FIRST URALMASH BUILDERS¹

© **Natalia B. Gramatchikova (2020)**, orcid.org/0000-0002-2585-7399, ScopusID 57189445810, SPIN 8460-0578, Ph.D. in Philology, senior researcher, Center for Literary History, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia), n.gramatchikova@gmail.com.

© **Lidia V. Enina (2020)**, orcid.org/0000-0003-2073-9948, SPIN 5849-8128, PhD in Philology, associate professor, Russian Language and Stylistics Department, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin" (Yekaterinburg, Russia), Enina.lidia@gmail.com.

The article is the result of a long-term study of autobiographies and memoirs from the Fund of the First Builders of Uralmash, collected in 1967-1984 and dedicated to the construction of the plant (1926-1934). The question of the role of spatial and temporal markers in the construction of the collective identity of factory workers is considered. Particular attention is paid to the relationship between strong discursive practices and the "weak positions" of the official discourse, which allow authors to independently write their personal history into the history of the plant. The novelty of the research lies in the fact that the Foundation's documents are viewed not as a factual source, but as a way of creating collective and personal identity of factory workers in the process of forming the concept of the FIRST BUILDER and as a body of texts, which reflects the practice of constructing the "Soviet". It is emphasized that a special perception of space (the plant and the social city of Uralmash) and the placement of oneself in a certain historical era (with the opposition "then-now") unite most of the Foundation's texts, among the authors of which are workers of the plant of different specialties and social status. It is proved that the texts have a common chronotope associated with the axiological picture of the world and with the practice of social communication through the text.

Key words: Uralmash First Builders Fund; collective identity; chronotope; discursive practices; autobiography.

MATERIAL RESOURCES

- Anikeyeva, M. S. (1968). *Vospominaniya Anikeyevoy Marii Semenovny. Rukopis'*, 12 s. In: *Arkhir muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroyteley*. (In Russ.).
- Anikeyeva, M. S. (1983a). *Vospominaniya Anikeyevoy Marii Semenovny. Rukopis'*, 6 s. In: *Arkhir muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroyteley*. (In Russ.).
- Anikeyeva, M. S. (1983b). *Bez nazvaniya. Rukopis'*, 3 s. In: *Arkhir muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroyteley*. (In Russ.).
- Averbakh, L. (ed.) (1936). *Stakhanovtsy Uralmasha*. Moskva-Sverdlovsk: Tipografiya gaz-zhurn. izd-va Sverdlovskogo Obkoma VKP(b) «Uralskiy rabochiy». (In Russ.).
- Bakirov, B. U. *Rukopis'*, [bez daty], 11 c. In: *Arkhir muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroyteley*. (In Russ.).

¹ The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-012-00553A "First Builders as a Performative Project: Constructing the Discursive Identity of Ural Workers in Texts from the 1930s and 1970s".

- Belik, V. P. (1983). UZTM 50 let («Rodilsya ya yeshche pri tsare ...»). Rukopis', 11 s. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley*. (In Russ.).
- Dereglazov, A. M. (1977). Pismo Viktoru Nikolayevichu [Anfimovu] ot 7 fevralya 1977 goda. Rukopis', 4 s. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley*. (In Russ.).
- Ivanovskiy, V. A. (1967). Anketa uchastnika stroitelstva Uralmashzavoda period 1928—1934 g.g. Tipografiya+rukopis', 1 s. + 1 ob. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley*. (In Russ.).
- Kochurov, A. S. (1974). Vospominaniya. Komsomoltsy Uralmashzavoda v 30-e gody. Rukopis', 8 s. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley*. (In Russ.).
- Rozhina, N. S. Vospominaniye. Rukopis', [bez daty], 7 s. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley*. (In Russ.).
- Sakharova, A. B. Vospominaniya veterana UZTM Sakharovoy A. B. o sozdanii pervoy biblioteki na Uralmashe. Mashinopis', [bez daty], 1 s. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley*. (In Russ.).
- Savicheva-Smirnova, N. A. Istoriko-khronologicheskiye dannyye o razvitiі meditsinskoy sluzhby UZTM po vospominaniyam zaslužennogo vracha RSFSR, veterana Savichevoy-Smirnovoy N. A.. Mashinopis', [bez daty], 11 s. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley*. (In Russ.).
- Shiryayeva, V. A. (1973). Zarnitsy vospominaniy. Rukopis'+mashinopis'. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley*. (In Russ.).
- Shiryayeva, V. A. (1975). U istokov proektirovaniya. Rukopis'+mashinopis' (nepolnaya). In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley*. (In Russ.).
- Shushunov, E. N. Iz gositalya na Uralmashzavod 1942 g. Rukopis', bez goda, 7 s. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley*. (In Russ.).
- Smertina-Bergman, N. V. (1982). Pismo Roze Khasanovne [direktoru muzeya istorii UZTM] ot 10.02.1982. Mashinopis' i rukopis', 6 s. In: *Arkhiv muzeya istorii Uralmashzavoda. Fond pervostroiteley*. (In Russ.).

REFERENCES

- Brubeyker, R. (2012). *Etnichnost' bez grupp*. Moskva: Vysshaya shkola ekonomiki. (In Russ.).
- Burde, P. (2000). Pole literatury. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 45: 22—87. (In Russ.).
- Enina, L. V. (2016). Identichnost' kak diskursivnyy kontsept i mekhanizmy diskursivnoy identifikatsii. *Politicheskaya lingvistika*, 6: 159—167. (In Russ.).
- Fitspatrik, Sh. (2001). *Povsednevnyy stalinizm. Sotsialnaya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: gorod*. Moskva: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). (In Russ.).
- Khellbek, Y. (2017). *Revolutsiya ot pervogo litsa. Dnevnik stalinskoy epokhi*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).
- Ilyina, O. V., Kablukov, E. V. (2019). Praktiki konstruirovaniya uralskoy identichnosti v mediadiskurse Sverdlovskoy oblasti. *Politicheskaya lingvistika*, 2 (74): 119—131. (In Russ.).
- Kats, B., Ronen, O. (2003). «Marsh». In: *Zvezda*, 3. Available at: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2003/3>. (In Russ.).

- Kozlova, N. N. (2005). *Sovetskiye lyudi. Stseny iz istorii*. Moskva: Evropa. (In Russ.).
- Lebina, N. B. (1999). *Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: Normy i anomalii. 1920—1930 gody*. Sankt-Peterburg: Zhurnal «Neva», izdatelsko-torgovyy dom «Letniy sad», Kikimora. (In Russ.).
- Lebina, N. B. (2015). *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voyennogo kommunizma k bolshomu stilyu*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1992). *Izbrannyye statyi: v 3 t., 1: Statyi po semiotike i tipologii kultury*. Tallinn: Aleksandra. (In Russ.).
- Mazur, L. N. (ed.) (2019). *Rannesovetskoye obshchestvo kak sotsialnyy projekt. 1917—1930-e gg.: v 2 chastyakh, 2. Sovetskoye obshchestvo: kultura, soznaniye, povedeniye*. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. (In Russ.).
- Sandomirskaya, I. I. (2001). *Kniga o Rodine. Opyt analiza diskursivnykh praktik*. Wien. (In Russ.).
- Sandomirskaya, I. I. (2013). *Blokada v slove. Ocherki kriticheskoy teorii i biopolitiki yazyka*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).
- Savkina, I. L. (2017). «Moi prostye zapiski»: modeli samoidentifikatsii v dnevnike Niny Lashinoy. In: *ShAGI / STEPS*, 3 (1): 136—157. (In Russ.).
- Tun-Khoenshtayn, F. (2012). V laboratorii sovetskoy biografii: Seriya «Zhizn' zamechatelnykh lyudey». 1933—1941 gg. In: *Chelovek i lichnost' v istorii Rossii. Konets XIX—XX vek*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya. 437—452. (In Russ.).
- Ushakin, S., Golubev, A. (2016). *XX vek. Pisma voyny*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).
- Voronina, T. (2018). *Pomnit' po-nashemu. Sotsrealisticheskiy istorizm i blokada Leningrada*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).
- Yurchak, A. (2014). *Eto bylo navsegda poka ne konchilos' . Posledneye sovetskoye pokoleniye*. Moskva: NLO. (In Russ.).